

Денис Банников

ТЕНИ

— ...пять, я иду искать!

Как всегда потянула, можно сказать пропела.

Глебка прятался за шторой, в проеме между шкафом и стеной, прятался тут впервые, потому что раньше тут было не спрятаться, раньше проем занимала гладильная доска. Но это раньше. С недавних пор гладильная доска переместилась куда-то на кухню, а в проеме остались ракетки для бадминтона, старые такие, с дряхлыми, крашеными по центру струнами, еще худые рулоны, обрезки обоев, и коробки из-под обуви, в одной из которых, Глебка это знал — или думал, что знает, — хранились дедушкины ордена.

Коробки большие, большущие коробки.

Папина обувь.

Сорок пятый размер.

Но много места и не нужно.

Глебка не дотягивал до подоконника, не дотягивал даже до кисточки, украшавшей веревку, которая опоясывала штору, так что Глебке этот проем был в самый раз. Главное было не жаться, потому что в глубине — врезанная в высокий потолок труба, а в трубе — кипятилок, от которого, надо думать, и потрескалась краска.

И вот Глебка притаился, ждал, но ждать было жарко, к тому же на нем этот свитер с воротом, колючий везде и сразу, который мешковат, но при этом как будто маловат, было тесно. Поэтому Глебка все-таки высунул нос. Подстриженные, подпиленные ногти впились в ткань, пальцы сжали край шторы. Глебка показался так, что выглянул только красный мысок носка, выглянул глаз, коричневатый на белом зрачок, как изюминка в твороге, выглянула покатая бровка, на которую напозлали светлые волосы.

Ни звука, ни шороха.

Глебка весь вспотел, хотел было стянуть свитер, но тут что-то шелохнулось, скользнуло по экрану телевизора, да что-то дрогнуло в черноте, и на паркет упала тень, упала и поползла дальше,

к коври, подобралась к развалу конструктора и замерла. Глебка выглянул чуть дальше и увидел платье, все то же платье чуть ниже колена, в алую полоску, все те же рукава по локоть, только на смену туфлям, каблукам с набойками, пришли тапочки, потому и шагов не было слышно, пушистые тапочки с пупырчатыми стельками, в которых мама провела все утро. Все утро Глебка смотрел, как она носится туда-сюда в своем халате, с мокрыми волосами, с какой-то грязью на лице, с прижатым к уху телефоном, как она смеется с каменным лицом, включая духовку и стуча ножом по разделочной доске. Тяжелее всего ей давались помидоры, которые не хотели принимать никакого участия в салате, но именно этот салат пуще других нахваливали гости. Гостей, к слову, пришло много, почти все с детьми, еле разместились за столом. Благо, стол раздвигался. Шуршала подарочная бумага, клочки и ленточки летели во все стороны, мусорная корзина наполнилась обрывками с розовым, голубым и золотистым отливом, а мама неизменно повторяла:

— Что нужно сказать? — Тяжелая рука на плече.

Глебка говорил то, что нужно было сказать, и принимался за следующий подарок, а когда с подарками было покончено, настало время торта. Выключили свет. По центру возвышалась цифра пять, которая к тому же была музыкальной, но Глебка распаковал свечку еще утром, весь день включал и выключал, покручивая основание, и, видимо, посадил батарейку, поэтому к торжественному моменту она выдохлась — заунывно пела, будто мелочь выпрашивала. Глебка загадал желание и сорвал аплодисменты, задув все свечки разом. Гости хлопали, а Глебка улыбался во все десны, во все два передних зуба, острых зубика, клинышка, как у ежа. Через мгновение к нему на тарелку приземлился кусок торта. Большой, коричневый, пористый, с толстым слоем жирнящего крема и вишенкой. Глебка, как всегда, откусывал больше, чем мог прожевать, но мама запретила выплевывать обратно, так что Глебка, пополнив щеками, жевал, жевал так, что за ушами трещало.

Потом его вместе с другими детьми отправили в гостиную, где их ждал конструктор. Все наборы вперемешку, космические корабли и волшебники, роботы и пираты. Роботы-пираты, в конце концов. К ним Глебка добавил детали из подарочных конструкторов, среди которых, помимо прочего, обнаружились динозавры. Кухня в это время гудела. Стреляли пробки, звенели бокалы. Хохо-

тали, дослушав очередной анекдот. Хлопали в ладоши, закончив очередную песню под гитару. Ближе к вечеру кухня стихла, детей одного за другим растаскивали родители, пока Глебка не остался наедине с желтыми человечками и звездолетом, у которого вместо одной из турбин была пластинка с шипами динозавра.

Вот теперь мама этот звездолет аккуратно подвинула самым мыском тапочки, чуть ближе к остальному развалу.

— Где-е же мой Глебка?

А Глебка уже не смотрел на маму, вжался поглубже, чтобы не заметила, улыбался двумя зубами, хихикал в ладошку. Даже о свитере забыл. Вот скрипнула дверца. Это мама открыла шкаф с одеждой. Клац-клац. Раздвинула вешалки с папиными рубашками.

— Где-е же спрятался мой Глебка?

Краем глаза Глебка следил, как ползет тень, медленно ползет, огибает развал конструктора, крадется к стеллажу у телевизора. Там на верхней полке стояли рамки с фотографиями. Глебка видел их отсюда, квадраты и прямоугольники, но, подойди он ближе, полка бы оказалась на две головы выше. Он знал, там на фотографиях мама и папа, правда, не совсем такие, как сейчас — там папа худой, мама улыбчивая. Глебка же на всех фотографиях развеселый, но особенно на той, что стояла по центру, там электронная рамка с большой семейной фотографией. От нее шел тонкий черный провод, который тянулся поперек полок, висел гирляндой, рассекая книжные корешки, все сразу, от первого тома к последнему.

Глебка видел, как мама остановилась у стеллажа и поправила провод, вернув его на полку. Пока мама была к нему спиной, Глебка осмелел, выглянул почти целиком, ждал, как она будет искать там же, где всегда, искать за дверью, под кроватью и, конечно, под раскидистым письменным столом, где пыль, комья грязи и связки проводов, уходящих за плинтус. Вот мама ищет, но ищет как-то нарочито медленно, даже не помогая себе руками с дверью, не приседая, чтобы заглянуть под кровать, не пытаясь распрямить скатавшийся уголок одеяла. Наконец, она подошла к письменному столу, лениво наклонилась, кажется, вздохнула и выпрямилась. Даже не подняла дротик с липучкой, то есть с присоской, который улетел под стол в разгар праздника, когда дети испытывали подаренное ружье. К стене эти снаряды не приставали, зато забавно отскакивали от папиного живота, что тоже хорошо.

Глебку это удивило. Он-то ждал, что мама переполошится, не обнаружив его под столом, в излюбленном убежище.

Ничего подобного.

Увидев, что мама оборачивается, Глебка нырнул обратно в проем.

Думал, все.

Заметила.

Ничего подобного.

Мама только пропела свое коронное:

— Глебка, ты где-е?

И тень поползла обратно к конструктору.

Глебка так подумал, что мама ждала, тянула время и ждала папу, который все еще не вернулся. Обычно они ищут вместе. Вернее, сначала они вместе считают, то есть считают они по очереди, доходя до таких цифр, которых Глебка пока не знал, а потом вместе объявляют, что игра началась, вместе идут искать. Вдвоем, само собой, искать легче, но в этот раз папа сказал начинать без него.

Папа провожал гостей, точнее одну гостью, которая засиделась дольше других. Глебка ее впервые видел, эту женщину с ярко-рыжими волосами, которые вились на затылке, которые она постоянно поддевала рукой, взмахивая кистью и картинно распрямляя пальцы, давая копне упасть обратно на шею. Еще у нее были краснющие губы и круги в ушах, прямо-таки обручи, через которые можно было прыгать в блошином цирке. Глебка ее не знал, но ее знали мама с папой. Она подарила ему конструктор с динозаврами. Конструктор был классный, а женщина была так себе. Много говорила, то и дело гакала и громче всех смеялась. Был у нее такой звонкий вувузельный смех. Это слово Глебка знал, звук этот он тоже знал, он его часто слышал, когда они с папой вместе смотрели футбол. Папа постоянно ворчал и покручивал в ладони свои любимые металлические часы, щелкая замком. Это у него был жест-паразит, так мама всегда говорила. Как слово, только жест.

Ну и вот, папа придержал ей шубу, ну, или полушубок, в общем, какого-то зверя пышную шкуру. Женщина влезла в рукав, не без труда влезла, почему-то не полезла во второй рукав, потянувшись за сапогами. Шкура болталась на плече, а папа придерживал женщину за руку, пока та, покачиваясь и посмеиваясь, застегивала сапоги. Как раз в этот момент в прихожую вошла мама. В руках она держала мусорный пакет, из которого торчала упаковочная бумага-

га. Она вручила его папе, посмотрела на скрюченную женщину и, ничего не сказав, постучала каблуками обратно на кухню. Глебка хотел пойти за ней, но тут услышал, как скрежещет задвижка.

Папа хлопнул дверью.

Глебка тут же подбежал, подскочил к этой двери, до глазка он не дотягивался, так что приложился, припал ухом к холодной обивке, к одной из этих впадин с пуговкой, заклепкой, и услышал, как тугое гудение сменилось звоном. Женщина еще раз гакнула.

Глебка долго не ждал, топ-топ по коридору, не к гостиной, налево, к проходу, там прислоненная к стене дверь, за ней — порожек, за ним — холодильник, белая стенка, куча магнитиков, а ближе всех — пузатый барашек. Глебка сам его сделал из соленого теста, кудрявый, с мехом из макаронин и пластилиновыми глазами, кругляшками, на которых ногтем вдавлены бороздки. Одним глазом барашек смотрел на Глебку, другим следил за кухней. Отцовская гитара, которую под конец вечера со звоном отложили в сторону, стояла себе, кренилась, упираясь грифом в стол. А на самом столе, на блюде, лежал последний кусок торта. Мама, долго не думая, взяла лопатку и переложила его на поднос, накрыла пластиковой крышкой, сквозь которую торт все еще виднелся, дразнил Глебку, но Глебка знал, что от торта у него краснеют руки.

— Ну что, готов? — бровь вверх.

Глебка покивал.

Мама начала считать.

Глебка не сразу побежал в гостиную, он еще постоял у двери на кухню, какое-то время выглядывал из-за угла. Мама считала, но считала не до больших цифр, как обычно, а пятерками, считала, одну за другой складывая тарелки в раковину, выдвигая ящики и набивая пустоты столовыми приборами, которые перед этим споласкивала и протирала тряпкой. Периодически она поглядывала на окно, за окно, будто чего-то ждала.

И вот теперь, когда с пятерками давно покончено, когда нужно было искать, мама вновь подошла к окну, теперь уже в гостиной.

На этот раз Глебка видел ее хорошо, подоконник был рядом со шкафом, с проемом, так что высовываться было не нужно. Мама смотрела в окно так, как смотрят в зеркало. Глебка увидел, как она чуть наклонила голову, как поправила прическу, а затем, затем она

обслюнявила палец и принялась елозить ногтем по окну, по стеклу, по крошечному пяточку, видимо, силясь что-то подцепить, что-то сковырнуть, и вот она скоблила, хмурия брови, а потом, ни на секунду не отвлекаясь, не меняясь в лице, пропела:

— Куда же спрятался мой Глебка?

Пропела как обычно, весело, даже задорно, а лицо каменное, непроницаемое, и ноготь ездит по стеклу, никак не доедет. И вот, поднося палец к губам, к кончику языка, мама повернулась к проему, где притаился Глебка, и, кажется, заметила красный носок, точно должна была заметить, но в этот момент хлопнула дверь.

Мама подорвалась с места.

Глебка не шелохнулся. Он только услышал, как на тумбу что-то плюхнулось — скорее всего, папина куртка, — а потом шаги, нарастающий топот, ближе к гостиной, нет, направо, на кухню.

Глебка было замер, но все же решился.

Шаг за шагом, на цыпочках, как по камешкам через реку, Глебка подошел к двери в гостиную, еще шаг, еще камешек, еще, и вот он стоял у выхода в коридор, между гостиной и кухней, по-прежнему ничего толкового не слышал, обрывки и отрывки фраз, кричали друг на друга шепотом. Глебка только различил мамино:

— ...по-твоему, мне хочется?

И дальше то же самое.

Маму и папу Глебка не видел, видел тени, вытянутые пятна по полу, подрагивающие контуры, которые время от времени врезались друг в дружку, неровностью в неровность, срастались и разнимались, расслаивались и... тишина, натужный выдох. Тень замерла. Глебка замер. Продолговатое пятно двинулось к нему, на него, неумолимо разрасталось и бледнело, ползло к двери. Глебка тут же побежал обратно в гостиную, в проем, за штору.

— Куда подевался наш Глебка? — папиным басом.

Щелчок.

Оконная стена озарилась травянисто-зеленым.

Шум.

Глебка услышал гнусавое: «Боевая четверка в защите...»

И тут же сошло на нет.

Видимо, папа убавил звук.

Глебка чуть выглянул, любопытство.

Папа стоял у развала.

Вот он растормошил волосы и покрутил головой, как собака, во все стороны полетели капли. Конечно, часы на запястье. Разминая пальцы одной руки, другой сжимал пульт. Двинулся к стеллажу. Глебка так подумал, он хочет поправить провод, но папа даже внимания на провод не обратил, водрузив пульт на верхнюю полку.

— Глебка, выходи-и...

Глебка выходить не собирался, сделал шагок назад, еще, уперся в коробку, локотком по картону, брык, пошатнулась вся пирамида. Брякнули ордена. Вот и шаги, все ближе к шкафу. К проему. Вот в зазоре показался папа, его лицо, на миг — треугольник улыбки, оскал, вроде как нашел, отыскал, собирался состричь, но проглотил.

Никакой улыбки.

Будто не нашел, будто обманулся.

Глебка жметя к стенке.

Папа смотрит прямо на него.

Нет, смотрит чуть левее или чуть правее, скользит глазами по его контурам, ножницами вырезая хорошо знакомую фигуру. Глебка так аппликации делает. Глебка все ждет, что папа скажет. Хоть что-то же он скажет. Глебка молчит, как и положено по правилам, не он же ищет, не ему и говорить. Но папа тоже молчит, молчит и смотрит, губы сомкнуты, стиснуты. Глаза поблескивают, в волосах мерцают капли. Папа смотрит. Глебка слышит звук сходящихся лезвий. А на фоне сдавленный шум, переливы зеленого, проблески белого, гнусавый голос как сквозь прижатую к губам ладонь.

Наконец, замечает.

Кажется.

Рука тянется к Глебке, нет, проходит прямо над плечом, чуть не полоснув по мочке уха, по клоку волос, минует Глебку и опускается на картон. Папа чуть пододвигает коробку к себе, поправляет. Пирамида снова ровная. Глебка косится на руку, на распластавшуюся пятерню, белая ладонь с черными волосами, у запястья все в красных пятнах, пальцы вовсе багровые с мороза. Вот Глебка смотрит, как папа, убирая руку, эти пальцы еле-еле сгибает, через силу разминает, только скрипа не слышно.

Проем снова пустой.

— Ну, где же Глебка-а...

Глебка думал, хватит, чего притворяться, раз нашли, но тут хрустнула пластмасса, смачно хрустнула, тут гостиную сотряс ор.

Папа выругался. Глебка понял не по смыслу, по интонации. Ту же интонацию он слышал, когда мяч не летел, куда нужно, или летел куда нужно, но поздновато, или, бывало еще, мяч летел куда нужно, но не так часто, как папе того хотелось. Поводов достаточно. Откуда-то издалека донесся мамин голос. Вот еще шорох конструктора, какой-то шмяк, шмяк-шмяк, вместе с:

— Ничего, все нормально! — туда, маме.

И пошел из комнаты, сопя и хрипя, что-то о тапочках.

Глебка стоит, не дышит. До этого ему хотелось спрятаться, как прячут новогодний подарок, а теперь он прятался, как прячутся от кусачей тени. Жметяся. Все, дальше проема нет, а есть какой-то странный звук. Глебка не сразу понял, что это труба. И вот только сейчас он заметил, что все это время стоял к ней вплотную, самым затылком, стоял и ничего не чувствовал. Клац-клац. Как будто сверху в трубу сыпали крупу. А жара никакого. Глебка медленно, медленно-медленно поднес ладошку к шершавой поверхности. Ничего. Тогда он взял и обхватил трубу, правда, обхватил не всю, пальчики не сомкнулись. В трубе плясал кипяток, Глебка слышал его шепот, но совсем ничего не чувствовал. Глебка стиснул еще сильнее, как только мог сильно. Ничего, разве что напряжение в пальцах, а потом и его не стало. Вот труба как будто пульсирует, Глебке кажется, что она и не твердая, дерни, пойдет волна, да, податливая труба, как канат на дворовой площадке.

Глебка и дернул.

Ничего.

Так же врезана в потолок.

Глебка выбрался из проема, потоптался вокруг развала, пово-рошил конструктор и выудил из груды деталей звездолет. И вот крутит его, вертит, так и сяк наклоняет, разглядывает и замечает трещину по крылу, черное от края до края, поперек пластинки с шипами, а между шипами, между шипом и обломком шипа, видит нитку, синюю такую, косматый обрывок цвета папиных носков. Глебка тронул крыло, качнулось. Ткнул, почти отвалилось, держится только на клейкой картинке, которая поверх пластинок. И вот Глебка смотрит на крыло, на трещину, над ухом гудит телевизор, на кухне какой-то бубнеж, а Глебка смотрит на нитку, и вот оно подступает к горлу, что-то подступает, глаза сами собой намокают, Глебка ревет, Глебка же знает, что мама прибежит, начнет

хлопотать, скажет, неважно что, главное с той интонацией, а за ней, как обычно, папа, ничего не скажет, будет стоять и кивать, возвышаться над ситуацией. А тут ничего. Глебка сильнее сжал звездолет, плюхнулся на пятую точку, ноги врозь, всхлипывает, прерывисто дышит, перевел дух и давай еще громче, востренный носик задран кверху, голова запрокинута, ну ведь громко же ревет, вот же два зубика, клинышка, а за ними — темнота, из темноты — крик, только Глебка сам уже слышит, что кричит тишиной, точнее, не слышит, ничего Глебка не слышит, хотя чувствует, как напрягаются связки, а от крика только слово. Горло саднит, перед глазами все плавает, и вот этот удушливый свитер, ворот этот будто разросся, к тому же сузился, обручем оплел шею, как дышать-то.

Звездолет, шмяк.

На кухне шумно.

Глебка вскакивает, стягивая свитер, пытаясь его стянуть, ну хоть как-то задрать кверху, вроде как получилось, ну а дальше что, дальше шерстяной лабиринт. Глебка пыжится, перебирает руками, весь извивается, но ворот словно бечевкой перетянули, или это уже не ворот, Глебка топчется на месте, ткнулся в рукав, голова не лезет, в другой рукав, или это ворот, темно, все растягивается, все теснее и теснее. Глебка хнычет, крутится, что-то мелькает, зеленый мелькает, красные и белые пятна сквозь крупную вязь, как что-то далекое и обманчивое, дразнят, пока Глебка бьется макушкой о тупики, пока воздух выкачивают, выкачали, нет его, дышать нечем...

Есть чем.

Есть.

Есть чем, есть.

Глебка освободил руку, ухватил ворот и стянул свитер.

Плюх.

Глебка в майке, свитер на кровати, в море одеяла.

Глебке так кажется, он упарился, должен был, хотя ничего не чувствует. Ему не горячо и не холодно, ему пусто, полупрозрачно. Шея не чешется, затылок не покалывает. Даже волосы электричеством не бьют. Глебка маялся, шаг туда, шаг сюда, хотел хоть в чем-то отразиться, но все поверхности были предательски матовыми. Ну хоть в телевизоре, но там зеленое. Пульт на полке. Глебка ныряет к экрану, ищет кнопку, этот кругляш. Подносит палец. Ничего. Еще раз. Никак. Горит синим, а должно пикнуть, должно

погаснуть. Будто нет пальца, нечего прижать. Глебка смотрит на провода, все под плинтусом. Глебка метнулся к письменному столу, подкатил папино кресло к стеллажу. Ногой на сиденье, на коленку, рукой за подлокотник, другой ногой, сиденье покачивается, руками на полку, ноги остаются на сиденье, сиденье проворачивается. Глебка видит пульт, тянет ручку, но тут еще один шмяк. Глебка поворачивает голову, смотрит за окно. Там мглистое небо, луна в бледно-розовой дымке, почти как вишенка — та за пластиком, эта за стеклом, — и снег вихрится, сует из стороны в сторону, плавно оседает, а потом давай опять, внезапно, будто кто-то потряхнул стеклянный шар, вот только что снова потряхнул. Шмяк. Глебка дрогнул, поехало кресло, полка тоже поехала. Глебка хватается за провод, тонкий черный провод, тянет его за собой, тянет вниз рамку. Провод мог бы и выдернуться, но не выдернулся, распрямился, натянулся той частью, что идет к розетке, оплел каркас стеллажа. Глебка на нем как на лиане проехался по полу, даже не ушибся, а вот рамка по инерции полетела дальше и ударилась о стену. Глебка и не пытался ее поймать. В падении еще ничего не понял, а как только приземлился, едва пятки стукнулись о пол, увидел, что она болтается на проводе. Глебка наклонился. Вместо фотографии весь экран сделался каким-то зеленым, болотистым, ветвились трещины, а рядом с ними, особенно по центру экрана, лиловые крапинки, такие радужные разводы. Как бензин в луже, но в луже что-то да отражается.

А тут — ничего.

Папино кресло крутится вокруг своей оси.

На кухне гам.

Глебка крикнул.

Тишина.

Глебка бросил рамку покачиваться на проводе и побежал на кухню, вот он, хрустнув пластмассой, выскочил в коридор, топ-топ по паркету, и вдруг тормозит, резко, будто споткнулся, будто угодил в медвежий капкан, тот раз — и захлопнулся. Грохот на всю кухню, оглушительный струнный звон, все аккорды разом. Глебка выглянул из-за угла, а кухни перед ним и нет, есть дверь, которая всегда прислонена к стене, а сейчас почти что закрыта, есть прямоугольник дерева, в который вмонтировано стекло. Глебка видит мозаику, разная такая, где-то стекло линиями, где-то волнами,

где-то ромбиками, в общем, всяческими неровностями дробятся тени. Ну, конечно, не тени, силуэты. Расплывчатые за мутным стеклом, аляповатые, жестами кричат друг на друга.

Глебка подходит ближе, различает папино:

— ...сама попросила, я тут при чем?

Глебка подступает вплотную к двери, к щели между дверью и наличником. В зазоре видит боковину холодильника, магнитки, видит папину спину, закатанный рукав, голое запястье, металлический ремешок в ладони, туда-сюда, большой палец давит на замок. Щелк-щелк. Папа говорит, мама тем временем приседает, поднимает лежащую на полу гитару, возвращает ее грифом на стол, но теперь низ упирается в ножку, устойчивее. Мама прислонилась к столу, руки на краю, лицом к папе. За ее спиной, за стеклом — все та же луна, будто подмигивает, все та же бледно-розовая дымка, ну и вьюга, конечно, но это там, а тут все разгорается. Глебка слушает, только чего слушать, они перебивают друг друга, все как-то невпопад, будто каждый говорит сам с собой. Вот папа крутит часы, мама запустила пальцы в копну волос, взмахнула рукой, картинно распрямила пальцы, кривит лицо, папа крутит часы, щелкает замком, они кидают друг в друга фразы, громко, кажется в рифму, там такие слова, которых Глебка пока не знает. Глебке всего пять, хотя еще вчера ему было четыре, так что жаловаться не на что. Глебка много чего знает в свои пять, знает, почему идет дождь, зачем нужен надгортанник, знает, что первые ученые приняли пингинов за рыб, что еще, ну вот стишки знает. А таких слов пока не знает, но знает интонацию. Папа выдумывает еще одну рифму, мама смеется, отмахивается, рука скользит по краю стола, задевает гриф гитары, струны, грохот, рокот, эхо...

эхо, эхо...

звон...

Мама хочет поднять гитару, переступает через нее, уже наклоняется, тут папа щелкает замком. Еще рифма. Мама замирает, поднимает глаза, усмехается, выпрямляется, встает ногой на гриф, руки в боки, бровь вверх, папа что-то бормочет, мама заносит ступню в пушистой тапочке, папа бросается вперед, но там уже хруст, треск дерева, вот так баррэ, этого слова Глебка тоже пока не знает, но хруст ему знаком. Папа сдавленно хрипит, мама хохочет:

— ...как-то сама, я тут при чем?

Папа заносит руку, ладонь сжата в кулак, металл опоясывает кожу, циферблат на пальцах, на костяшках, как кастет. Папа рычит, разворачивается и бьет по холодильнику. И еще раз, с замахом, снова хруст. Подпрыгнули магниты, покосились, барашек упал, макарончатым пузом на пол, кусок головы с пластилиновым глазом отлетел к двери, покувыркался и остановился недалеко от щели.

Распахивается дверь.

Глебка крадется к порогу, переступает, папа уже на корточках, боком к двери, одна ладонь, как веник, смахивает все во вторую, как в совок. Вот папа встает, возвращает барашка на холодильник, только барашек без половины головы, пластилиновый глаз по-прежнему смотрит на Глебку, глядит прямо на Глебку. И вот папа поворачивается к двери, в руках у него вторая половина головы, на ней второй глаз, смотрит на Глебку, смотрит и тут... шмяк, в окно влетает ком снега, мама и папа вздрагивают, а Глебка...

Глебка убегает, видит порожек, только разогнался и задел что-то самым мыском, рухнул, но не весь, не сразу, а всем по очереди, выпуклостями и угловатостями, как мешок с картошкой, и давай реветь, сидит посреди коридора и воет, держится за лоб, не слышит топот, видит только, как к нему спешат тени. Вот тяжелая ладонь на плече, крепкие объятия. Хлопочут. Глебка держится за лоб, все плывет, его будто в воду окунули, в холодную воду, в кипятком, и вот Глебка ревет, как из-под воды, сам себя почти не слышит, почти, да, почти, зато слышит, как мама и папа переговариваются, мамино:

— Быстрее!

— А где?

— Нижний ящик!

— Не вижу...

— Правый угол, там за...

— Есть, нашел!

И шаги.

Глухой удар, струны.

Еще одна рифма.

Глебка чувствует мягкое, сначала щиплет.

Глебка ревет, вроде ревет еще громче, но на деле так же, как и раньше, просто теперь он хорошо себя слышит. И больше не щиплет, нет, теперь щекотно. Глебка уже не в воде, нет, от моря осталась струйка, вот она бежит по лбу, к бровке, по веку, папа

отрывает еще один белый комок, все погружается в красное, как в провочных комнатах, но мама нажимает, еще, и красного нет. Глебка не ревет, нет, красного нет, проясняется, да, проявляется.

Глебка хнычет, но это так, потому что ситуация обязывает.

Поцелуи, пальцы в волосах, ногти ездят по затылку. Пока мамин подбородок у Глебки на плече, он смотрит на папу, как тот вынимает откуда-то из-за двери гладильную доску, ступней в носке складывает стойку, убирая торчащие из проема ножки. Качает головой, что-то бормочет, убирает ее подальше от прохода. А мама обнимает Глебку, стискивает, покачивая, как на волнах.

Папа стоит, возвышается.

Глебка смотрит на него, на запястье, там блики циферблата, и как будто лучше слышно стрекот, как одна стрелка пролетает над другой, обгоняет на повороте. Щелк. Папа снимает часы, разглядывает, убирает в карман, сжимает и разжимает кулак. Красная крапинка, даже капли, поблескивает стекло. Папа посмотрел на Глебку и сунул руку в карман, второй махнул, кистью вниз. Вот и мамино лицо перед Глебкой, вся раскраснелась. Папа подходит ближе, плечами загораживая свет, говорит что-то о клее. Мама отвечает, а потом они смеются и спрашивают:

— Где же ты прятался?

Глебка хотел спросить то же самое, но вместо этого улыбнулся, широко улыбнулся, показав два зуба, два ежовых зубика.

